

Э.А. Суздорф

ОБРАЗЫ ЛЕНИНА И СТАЛИНА
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛОВ «ЁЖ» И «ЧИЖ»
(конец 1920-х – 1930-е годы)

В статье исследуются приемы, посредством которых советская пропаганда воздействовала на детскую журналистику 20–30-х годов. В качестве источников используются прозаические и поэтические тексты из журналов «Ёж» и «Чиж», посвященные В.И. Ленину и И.В. Сталину.

Ключевые слова: русская советская периодика для детей, пропаганда, журналы «Ёж» и «Чиж», Ленин, Сталин.

Журналы для детей «Ёж» и «Чиж» выходили в общей сложности 14 лет (1928–1941). Их деятельность, по мнению историков отечественной культуры, можно считать беспрецедентным явлением в истории советской детской журналистики. В журналах сотрудничали будущие классики детской литературы В. Бианки, Б. Житков, С. Маршак, а также ставшие известными «взрослые» поэты Н. Заболоцкий, Д. Хармс, Н. Олейников, А. Введенский.

«Ёж» был создан по инициативе С.Я. Маршака в 1928 г. и выходил вплоть до конца 1935 г., а «Чиж», ориентированный на читателей младшего возраста, – в 1930–1941 гг. Блестящий авторский состав редакции обеспечивал высокое качество публикуемых материалов, и «Ёж» и «Чиж» стали самыми популярными детскими журналами своего времени.

Исследование этих изданий, призванных выполнять функции воспитания читателей в духе коммунизма, интересно еще и потому, что в создании соответствующих текстов принимали участие талантливые авторы. Часто даже откровенные «агитки» под их пером обретали высокую художественную форму.

Особое место в детской довоенной периодике занимала тема вождей, прежде всего В.И. Ленина и И.В. Сталина. Освещение и рас-

крытие образов вождей было не только прямой необходимостью и условием существования детских изданий, но и удовлетворяло вполне естественную потребность читателей в реализации традиционных мотивов – таких, например, как борьба добра со злом.

До середины 30-х годов основным, если не единственным, вождем представлялся Ленин. Утверждению памяти о Ленине в сердцах и душах детей придавалось большое значение. Как отмечает Н. Тумаркин, истории о детстве Ленина должны были дать советской детворе совершенный образец для подражания – образ энергичного, прилежного мальчика Володи, который никогда не забывал о своем долге перед народом. Тогда как идеализированный Ильич – называемый по отчеству, чтобы сделать его ближе и доступнее, – был по сути добрым и улыбочивым старичком, который спасал Россию и любил детей. Ожидалось, что в результате прочтения подобных произведений дети вырастут лояльными советскими гражданами, а их подростковая любовь в зрелости обратится в преданность Советской власти¹.

Детские журналы 20–30-х годов – и прежде всего «Ёж» и «Чиж» – содержат обширный и разнообразный материал, позволяющий проследить развитие ленинской темы и раскрытие образов вождей в целом. Можно выделить несколько основных ипостасей Ленина, несколько наиболее часто повторявшихся мотивов, составлявших пеструю мозаику его образа. Вождь предстает милым и живым мальчиком, трогательным и задумчивым подростком; простым, искренним и скромным – почти святым – человеком; добрым другом детей, с удовольствием играющим с ними; пророком и блестящим оратором; героем-революционером; гениальным мыслителем; трагически погибшим героем; бессмертным вождем.

Смерть Ильича в 1924 г. определила характер развития ленинской темы в литературе для детей – о живом человеке создать настолько разнообразный, идеалистически-утопичный и в то же время художественный, захватывающий материал (и тем более сделать Ленина героем сказок) вряд ли было возможно. Уход из жизни сделал Ленина, в сущности, эпическим героем и позволил наделить его божественными чертами и немислимым для живого человека совершенством.

Биографические рассказы для детей о Ленине на рубеже 20–30-х годов часто строились по схеме, которую условно можно обозначить как «жизнь – смерть – бессмертие». Таков, например, рассказ «Пакет из Москвы»² – история о том, как во время Гражданской войны отец дает сыну ответственное задание – спрятать пакет из Москвы от белогвардейцев. Чудом уцелевший пакет с телеграммой от Ленина вскрывают в самом конце. Не-

смотря на то что рассказ посвящен приключениям мальчика, текст сопровождается четырьмя иллюстрациями: Ленин – Председатель Совнаркома, Ленин выступает на трибуне, Ленин готовится к докладу (сидя на полу), Ленин в гробу. Эти рисунки точно выражают основные направления развития ленинской темы в конце 20 – начале 30-х годов. Для рассказов о вожде того времени характерно раскрытие нескольких мотивов и последовательное движение от одного проявления Ильича к другому: Ленин – глава государства; Ленин-оратор; его болезнь и (героическая) смерть; мертвый Ленин; бессмертный Ленин. Точно так же выстроен и рассказ А. Гринберг «Ленин», разделенный автором на небольшие главки: Совнарком; болезнь; последняя речь; Горки; смерть; паровоз № 127; Дом Союзов.

Основное развитие мотив смерти и бессмертия Ленина получил в конце 20-х годов, когда культ Сталина только зарождался и Ленин оставался главным и практически единственным Вождем. О его смерти на страницах детских журналов того времени писали постоянно, а фото тела Ленина, лежащего в гробу, регулярно появлялось в детских журналах того времени. Чаще всего материалы о Ленине печатались в январских номерах, посвященных годовщине его кончины.

Интересно, что причины ухода вождя (который должен был погибнуть как герой) были художественно переосмыслены авторами. Описания смерти насыщены анатомическими подробностями: например, в рассказе А. Гринберг уход Ленина из жизни объяснялся следующим образом:

Вечером в Горках, зимой, в сильный мороз он умер. Десять врачей вскрыли его тело. Все оказалось здоровое, крепкое, прочное. Только мозг был разрушен. От большой мозговой работы износились те сосуды и трубочки, которые несли кровь к его голове. Они затвердели и утолстились, от слишком большой усталости стали негодными. Врачи взяли один кусочек кровеносной трубочки и посмотрели на свет: света не было видно, трубочка была как веревка, кровь по ней не могла течь. Мозг его был разрушен, как у древнего старика. А жил он всего 54 года³.

Но в целом, несмотря на трагический пафос, подобные произведения должны были звучать жизнеутверждающе и заканчиваться оптимистично. Яркий пример такого подхода – стихотворение «Восемь лет без Ленина», подписанное «Я. М.» (по всей вероятности, «Яков Миллер» – псевдоним Н. Заболоцкого):

Ты видал мавзолей
Под кремлевской стеной?
Там лежит пролетарский герой.
Восемь лет, восемь лет
С нами Ленина нет,
Восемь длинных, невиданных лет.
Наступает январь,
Наступает зима.
Белый снег покрывает дома.
Мы на площадь спешим,
мы над гробом стоим,
Мы знамена склоняем над ним.
Мы не плакать приходим
Над гробом его.
Видишь – плачущих нет никого.
Наши руки сильны,
Наша кровь горяча,
Все мы помним завет Ильича⁴.

Еще один часто использовавшийся на рубеже 20–30-х годов мотив – речь Ленина. Он предстал перед читателем не только как прекрасный оратор, но и как пророк. Во всех текстах подчеркивается исключительное влияние его слов на слушателя. В связи с этим стоит отметить рассказ «Три встречи»: Ильич предстает сначала загадочным незнакомцем, затем – великолепным оратором, в финале – лежащим в гробу. Наиболее впечатляющей для читателя должна быть вторая встреча: «Мы увидели броневик, а на броневике – Ленин <...> Ленин говорил речь, то подымаясь на носки, то опускаясь. Прожектора освещали его со всех сторон. И здесь речь Ленин кончил так же громко, резко: “Да здравствует социалистическая революция!”»⁵.

В материалах «Ежа» и «Чижа» облик Ленина, его выступления перед народом описывались так, чтобы как можно сильнее воздействовать на читателя:

Много нас вокруг собралось,
Не запомнил я всего,
Только каждому казалось –
Смотрит Ленин на него.
Не забыть нам той минуты,
Как мы встретились с вождем.
Каждый думал почему-то –
Говорит Ильич о нем⁶.

Апофеозом в развитии мотива «Ленин-пророк» можно считать сказку «Солнце, Мороз и Ветер»⁷, опубликованную в «Чиже» в 1941 г. По сюжету «буржуи» подговаривают Мороз и Ветер помешать Ленину говорить с народом: его слова замерзают и уносятся с ветром. На помощь Ильичу приходит Солнце, которое растапливает снежинки, и слова «разносятся по всему белому свету».

Другая востребованная тема – «Ленин и дети» и «маленький Ленин». На иллюстрациях юный Володя Ульянов чаще всего изображался с родителями, братом и сестрами, у него был характерный задумчивый взор и необычно высокий лоб. Так, в самом первом номере «Чижа» фото маленького Володи помещено на обложку, а в самом журнале на разворот была дана картинка «Семья Ульяновых». Впрочем, стоит отметить, что в «Чиже» мотив «Ленин в детстве» использовался нечасто, а в «Еже», ориентированном на читателя-пионера, не использовался вообще.

В немногочисленных рассказах о детстве Ленина, опубликованных в «Чиже», особенно подчеркивались такие черты характера, как задумчивость и глубокомыслие, и такие черты внешности, как кудрявые волосы и высокий лоб. Последний – наравне с улыбкой и знаменитым прищуром – стал неизменным атрибутом и взрослого Ильича в советской иконографии.

«Ленин и дети» – излюбленный мотив рисунков, рассказов и стихов для детей. Этот мотив можно назвать самым характерным для раскрытия ленинской темы в советской литературе для детей. Когда возникла необходимость знакомить читателя с другими вождями – Сталиным, Ворошиловым, Калининным, Кировым, именно этот мотив, вождь в окружении детей, использовался как естественный и понятный даже ребенку-дошкольнику.

В конце 30-х годов в «Чиже» печатались рассказы М. Зощенко о Ленине. Интересно, что даже в «Чиже», изначально ориентированном на детей 5–8 лет, были опубликованы рассказы Зощенко о взрослом Ленине, а не о детстве и юности вождя. Это еще раз подчеркивает нежелание редакции эксплуатировать и без того гипертрофированно развитый в советской детской периодике мотив «маленький Ленин».

Рассказы Зощенко стали новым этапом в развитии ленинианы в целом. Во всех рассказах Зощенко, опубликованных в «Чиже», – «Ленин в парикмахерской», «Ленин и часовой», «Как Ленину рыбу подарили» – Ильич проявляет бескорыстие и принципиальность: так, подаренную во время голода рыбу отправляет в детдом; в парикмахерской отказывается стричься без очереди; хвалит часового за то, что тот отказался пустить вождя без пропуска. Простота, открытость и доброта Ленина делают его похожим на святого, а

интеллигентность поведения противопоставляет Ильича образу пролетарского героя.

Подводя итог, можно выделить следующие особенности образа Ленина на страницах «Ежа» и «Чижа»: в конце 20-х годов у Ленина преобладали черты пророка и погибшего героя. К 1935 г. тема смерти и похорон вождя полностью вытесняется другими, менее героическими мотивами – «Ленин и дети», «маленький Ленин» – и к концу 30-х годов Ленин практически утрачивает свою героическую сущность, становится добрым, мягким, интеллигентным Ильичом, уступая место другому вождю.

Живость образа Ленина на страницах «Ежа» и «Чижа» особенно показательна в сравнении его с другими вождями – Ворошиловым, Калининным, Кировым и, конечно же, Сталиным.

Культ Сталина, как отмечает Н. Тумаркин, к середине 30-х годов практически вытеснил культ Ленина: «К 1934 г. идеализированный образ Ленина занял почетное место в истории, исполняя роль священного предка, тогда как культ Сталина выдвинулся в советском политическом ритуале на передний план»⁸. Анализируя материалы «Ежа» и «Чижа» с точки зрения количества и качества публикаций о народных вождях, можно отметить тенденции, как подтверждающие, так и опровергающие этот тезис. Как уже было сказано, Ленин не был вытеснен полностью из «пантеона», хотя его образ и претерпел определенные изменения.

Рассмотрим подробно, как раскрывался образ Сталина на страницах «Ежа» и «Чижа» в конце 20 – начале 30-х годов. Сталин предстал перед читателем как ученик и друг Ленина, и образ его возникал в текстах не часто. Материалы о Сталине чаще имели иллюстративный, чем текстовый характер, и лишь во второй половине 30-х годов начали публиковаться стихи и рассказы, героем которых был Сталин. Впрочем, слово «герой», предполагающее действие, в данном случае не очень подходит, так как в целом этот образ был статичен.

О жизни Сталина до того, как он стал вождем, не говорилось ничего, словно он уже родился взрослым. И лишь на одном рисунке Сталин предстал подростком-гимназистом, стоящим на краю обрыва. Не было рассказов, в которых Сталин был бы показан человеком думающим и чувствующим, наделенным эмоциями, равным образом, читатель не мог ничего узнать о повседневной жизни Сталина.

Все эти факторы говорят о том, что образ Сталина был устойчивым, но в то же время схематичным и односторонним по сравнению с образом Ленина, представленным в различных ипостасях.

Э.А. Суздорф

Тема «вождь и дети» применительно к Сталину в «Чиже» представлена всего в двух рассказах: «В гостях у Сталина»⁹ и «Как я познакомилась с товарищем Сталиным»¹⁰ – и в нескольких иллюстрациях (как правило, они публиковались без подписи). Эти рассказы о знакомстве с вождем написаны по одной схеме: девочка (в обоих случаях героиня – девочка) встречается с вождем, беседует с ним, затем прощается.

Некоторые авторы пытались создать образ Сталина по образцу Ленина – так, в рассказе «В гостях у Сталина» девочка спрашивает маму: «Мама, а почему товарищ Сталин такой простой? – Потому, что это Сталин»¹¹. Другого объяснения автор просто не находит, как не находит и иной возможности иллюстрировать простоту товарища Сталина. «Сталин приветственно помахал рукой, мы кинулись к нему. Подбежали, целуем его. Ворошилов заливается смехом. Все кругом смеются. самого дорогого в стране человека целуют три простые советские девушки»¹². Фанатичная любовь к вождю выражается двойственно: с одной стороны, смех и поцелуи, с другой стороны, отсутствие какой-либо реакции со стороны Сталина, в то время как Ворошилов заходится заливи́стым смехом, а эмоциональность встречи передается словами «смеются все вокруг».

Несмотря на полное отсутствие информации о жизни Сталина, его характере, чувствах и поступках, его образ представлен на страницах «Чижа» второй половины 30-х годов – в стихотворениях и иллюстрациях. Стихи, как правило, были посвящены не самому вождю, а скорее его присутствию в жизни советского народа. Характерной особенностью изображения Сталина в данном случае можно считать глобальность, масштабность в соединении с задушевностью, отеческой заботой о каждом жителе страны.

Мы пляшем, поем и смеемся сейчас –
Нам радостно жить на земле!
И все потому, что о каждом из нас
Заботится Сталин в Кремле¹³.

Или:

Есть человек за стенами Кремля,
Знает и любит его вся земля,
Радость и счастье твое – от него,
Сталин – великое имя его¹⁴.

Прославляя Сталина, авторы нередко стилизовали стихотворения под фольклор, подчеркивая этим близость власти к народу. Например, в № 11–12 за 1939 г. была опубликована «Украинская народная песня “Ясный месяц”», содержащая такие строки:

Светит месяц, светит ясный,
Разговор заводит.
А ему навстречу звезды
Радостно выходят.
То не звезды вышли в небо,
Это – наши доли.
Вывел их товарищ Сталин,
Вывел из неволи¹⁵.

Интересная особенность изображения Сталина – стремление авторов отдалить вождя от читателя: в большинстве стихотворений Сталин находится не рядом с героями, а где-то далеко – в Кремле, в сказочном пространстве, на трибуне Мавзолея или на портрете.

В конце 30-х годов едва ли было возможно создать сколько-нибудь психологизированный образ Сталина как понятного читателю, дружелюбного человека. Даже попытка ввести его в стихи-колыбельные, призванные убаюкать читателя-ребенка, создать ощущение покоя, была обречена на неудачу:

И с трибуны Мавзолея
Помахав рукой,
Улыбнется всех светлее
Сталин дорогой!
Спи, мой сын, глубоким, чистым
И спокойным сном –
Мчатся красные танкисты
Где-то за окном¹⁶.

«Глубокий, чистый» сон, сопровождающийся светлой улыбкой «дорогого Сталина» под шум танков, которые мчатся «где-то за окном», превращается в своего рода метафору, выражающую ощущение преследования, давления и постоянного страха.

Таким образом, на страницах «Ежа» и «Чижа» образ Сталина раскрывался планомерно и методично, но по яркости, живости, многогранности существенно проигрывал образу Ленина. Более того, Сталин в публикациях этих журналов был представлен статично. Попытки восхваления Сталина (превратившиеся позже в клише) производили впечатление диссонанса, двойственности и откровенной неискренности. Само имя вождя употреблялось в одной-единственной форме – «Сталин», в то время как Ленина в различных текстах называли по-разному: Ильич, Владимир Ильич, Володя Ульянов. Замечание Н. Тумаркина о том, что «если ленинский культ 20-х и напоминал собой сдержанный, хотя и проникно-

Э.А. Суздорф

венный траурный марш, исполняемый на скорбно-торжественных церемониях, культ Сталина сходствовал с непрерывной симфонией в мажоре»¹⁷, точно отражает специфику разработки образов обоих вождей.

«Ёж» и «Чиж», безусловно, развивались в тесной связи с культурной и общественной жизнью, и изменения в политике государства и массовом сознании живо отражались на характере изданий. Правда, в таком важном вопросе, как замещение образа Ленина образом Сталина, «Ёж» и «Чиж» проявили некоторую инертность. В публикациях «Чижа» образ Сталина окончательно утвердился только в самом конце 30-х годов XX в.

Примечания

- ¹ *Тумаркин Н.* Ленин жив!: Культ Ленина в Советской России. СПб.: Акад. проект, 1997. С. 203.
- ² [б.п.] Пакет // *Ёж.* 1929. № 1.
- ³ *Гринберг А.* Ленин // *Ёж.* 1928. № 1. С. 18–23.
- ⁴ *Я.М.* Восемь лет без Ленина // *Чиж.* 1932. № 1. С. 5–6.
- ⁵ Три встречи // *Ёж.* 1930. № 2. С. 3.
- ⁶ *Троицкий М.* Встреча с вождем // *Чиж.* 1940. № 1. С. 1.
- ⁷ [б.п.] Солнце, Мороз и Ветер // *Чиж.* 1941. № 1. С. 1–3.
- ⁸ *Тумаркин Н.* Указ. соч. С. 290.
- ⁹ *Раскова М.* В гостях у Сталина // *Чиж.* 1939. № 5. С. 2–6.
- ¹⁰ *Варшавская Л.* Как я познакомилась с товарищем Сталиным // *Чиж.* 1939. № 11–12. С. 1–2.
- ¹¹ *Раскова М.* Указ. соч. С. 3.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Чиж.* 1939. № 4. 2-я обложка.
- ¹⁴ *Лебедев-Кумач В.* (без названия) // *Чиж.* 1938. № 10. 2-я обложка.
- ¹⁵ Ясный месяц: Украинская народная песня // *Чиж.* 1939. № 11–12. С. 8.
- ¹⁶ *Ружанский Е.* Колыбельная // *Чиж.* 1939. № 11–12. С. 17.
- ¹⁷ *Тумаркин Н.* Указ. соч. С. 225.